

黑龙江大学专业俄语系列教材

俄 语

高 级 教 程

下 册

黑龙江大学俄语系编

黑龙江教育出版社

黑龙江大学俄语系列教材

俄 语
高 级 教 程
下 册

黑龙江大学俄语系编

黑龙江教育出版社

1993 年 哈 尔 滨

(黑)新登字第5号

主编 阎家业

编者 邓军

Г. Н. Гилязетдинова

Л. С. Лапина

俄语高级教程(下)

阎家业 主编

责任编辑:李亚晨

封面设计:张秉钧

黑龙江教育出版社(哈尔滨道里区九站街1号)

印刷厂印刷·黑龙江省新华书店发行

开本 850×1168 毫米 1/32·印张·7.0625 字数 160 千

1993年7月第1版·1993年7月第1次印刷

印数:1—2000

ISBN7-5316-1756-01G·1326 定价:5.40 元

Предисловие

Восьмая часть учебника является завершающей частью учебника русского языка для студентов 4 курса, обучающихся на факультетах русского языка. По своим задачам, содержанию и структуре данная книга непосредственно примыкает к седьмой части соответствующего учебника.

Книга состоит из трёх тем:

1. Человек и обстоятельства.
2. Молодёжь и мир.
3. Цените, люди, время.

Отобранные тексты взяты из произведений современной русской и китайской художественной прозы, драматургии и публицистики.

Каждая тема включает два основных текста, предназначенных для аналитического чтения, и дополнительные тексты ознакомительного характера.

После каждого текста даётся углублённый лингвостилистический комментарий.

Послетекстовые задания включают лексические, грамматические, синтаксические и стилистические

упражнения. Особое внимание уделяется заданиям, дающим возможность свободного выхода в устную речь.

В конце каждого текста и темы в целом предлагаются вопросы и темы для бесед, дискуссий, монологических высказываний, а также задания для письменной речи: реферат, сочинение.

Комментарий и некоторые упражнения к тексту “стальное горло” составлены преподавателем Л. В. Дорогань.

Учебник может быть использован в работе с аспирантами и студентами неязыковых вузов.

Оглавление

Тема 1

Человек и обстоятельства 1

Текст 1

Дождливый рассвет 1

Текст 2

Стальное горло 39

Текст 3

Лу Синь 64

Тема II

Молодость и мир 84

Текст 1

Да здравствует юность 84

Текст 2

Мы молодые 114

Текст 3

Антон и другие 137

Тема III

Цените, люди, время 150

Текст 1

Время—вчера, сегодня, завтра 150

Текст 2

Дом на Фонтанке 172

Текст 3

Друг мой Колька 203

Тема 1

Человек и обстоятельства

Текст 1

Дождливый рассвет

К. Г. Паустовский

В Наволоки пароход пришёл ночью. Майор Кузьмин вышел на палубу. На пристани было пусто, — горел только один фонарь.

«Где же город? — подумал Кузьмин. — Тьма, дождь, — чёрт знает что! »

Он поёжился, застегнул шинель. С реки задувал холодный ветер. Кузьмин разыскал помощника капитана, спросил, долго ли пароход простоят в Наволоках.

— Часа три, — ответил помощник. — Смотря по погрузке. А вам зачем? Вы же едете дальше.

— Письмо надо передать. От соседа по госпиталю. Его жене. Она здесь, в Наволоках.

— Да, задача! — вздохнул помощник. — Хоть глаз выколи! Гудки слушайте, а то останетесь.

Кузьмин вышел на пристань, поднялся по скользкой лестнице на крутой берег. Было слышно, как шуршит в кустах дождь. Кузьмин постоял, чтобы глаза привыкли к темноте, увидел понурую лошадь, кривую извозничью пролётку. Верх пролётки был поднят. Из-под него слышался храп.

— Эй, приятель, — громко сказал Кузьмин, — царство божие проспишь!

Извозчик заворочался, вылез, высморкался, вытер нос полой армяка и только тогда спросил:

— Поедем, что ли?

— Поедем, — согласился Кузьмин.

— А куда везти?

Кузьмин назвал улицу.

— Далеко, — забеспокоился извозчик. — На горе...

Он задёргал вожжами, зачмокал. Пролётка нехотя тронулась.

— Ты что же, единственный в Наволоках извозчик? —

спросил Кузьмин.

—Двое нас, стариков. Остальные сражаются. А вы к кому?

—К Башиловой.

—Знаю,— извозчик живо обернулся. — К Ольге Андреевне, доктора Андрея Петровича дочке. Прошлой зимой из Москвы приехала, поселилась в отцовском доме. Сам Андрей Петрович два года как помер, а дом ихний...

Кузьмин закурил, откинулся вглубь пролётки. По поднятому верху барабанил дождь. Далеко лаяли собаки. Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью. «Час ночи, не меньше», — подумал Кузьмин. Тотчас где-то на колокольне надтреснутый колокол действительно пробил один удар.

«Остаться бы здесь на весь отпуск, — подумал Кузьмин. — От одного воздуха всё пройдёт, все неприятности после ранения. Снять комнату в домишке с окнами в сад. В такую ночь открыть настежь окна, лечь, укрыться и слушать, как дождь стучит по лопухам».

—А вы не муж ихний? —спросил извозчик.

Кузьмин не ответил. Извозчик подумал, что военный не расслышал его вопроса, но второй раз спросить не решился. «Ясно, муж, — сообразил извозчик. — А люди болтают, что она мужа бросила ещё до войны. Врут, надо полагать».

— Но, сатана! — крикнул он и хлестнул вожжей костявую лошадь. — Нанялась тесто месить!

«Глупо, что пароход опоздал и пришёл ночью, — подумал Кузьмин. Почему Башилов — его сосед по палате, когда узнал, что Кузьмин будет проезжать мимо Наволок, просил передать письмо жене непременно из рук в руки? Придётся будить людей, бог знает, что ещё могут подумать!»

Башилов был высокий насмешливый офицер. Говорил он охотно и много. Перед тем как сказать что-нибудь острое, он долго и беззвучно смеялся. До призыва в армию Башилов работал помощником режиссёра в кино. Каждый вечер он подробно рассказывал соседям по палате о знаменитых фильмах. Раненые любили рассказы Башилова, ждали их и удивлялись его памяти. В своих оценках людей, событий, книг Башилов был резок, очень упрям и высмеивал каждого,

кто пытался ему возражать. Но высмеивал хитро—намёками, шутками,—и высмеянный обыкновенно только через час-два спохватывался, соображал, что Башилов его обидел, и придумывал ядовитый ответ. Но отвечать, конечно, было уже поздно.

За день до отъезда Кузьмина Башилов передал ему письмо для своей жены, и впервые на лице у Башилова Кузьмин заметил растерянную улыбку. А потом ночью Кузьмин слышал, как Башилов ворочался на койке и сморкался. «Может быть, он и не такой уж сухарь,—подумал Кузьмин.—Вот, кажется, плачет. Значит любит. И любит сильно».

Весь следующий день Башилов не отходил от Кузьмина, поглядывал на него, подарил офицерскую флягу, а перед самым отъездом они выпили вдвоём бутылку припрятанного Башиловым вина.

—Что вы на меня так смотрите? —спросил Кузьмин.

—Хороший вы человек,—ответил Башилов.—Вы могли бы быть художником, дорогой майор.

—Я топограф,—ответил Кузьмин.—А топографы по

натуре те же художники.

—Почему?

—Бродяги, —неопределённо ответил Кузьмин.

—«Изгнанники, бродяги и поэты, — насмешливо продекламировал Башилов, — кто жаждал быть, но стать ничем не смог».

—Это из кого?

—Из Волошина. Но не в этом дело. Я смотрю на вас потому, что завидую. Вот и всё.

—Чему завидуете?

—Чему завидую? —переспросил Башилов и положил свою красную руку на руку Кузьмина. —Всему. Даже вашей руке.

—Ничего не понимаю, —сказал Кузьмин и осторожно убрал свою руку. Прикосновение холодной руки Башилова было ему неприятно. Но чтобы Башилов этого не заметил, Кузьмин взял бутылку и начал наливать вино.

—Ну, и не понимайте! —ответил Башилов сердито. Он помолчал и заговорил, опустив глаза: Если бы мы могли поменяться местами! Но в общем всё это чепуха! Через два

дня вы будете в Наволоках. Увидите Ольгу Андреевну. Она пожмёт вам руку. Вот я и завидую. Теперь вы понимаете?

—Ну, что вы! —сказал, растерявшись, Кузьмин. —Вы тоже увидите вашу жену.

— Она мне не жена! — резко ответил Башилов. — Хорошо ещё, что вы не сказали «супруга».

—Ну, извините,—пробормотал Кузьмин.

— Она мне не жена! — так же резко повторил Башилов. — Она— всё! Вся моя жизнь. Ну, довольно об этом!

Он встал и протянул Кузьмину руку:

—Прощайте. А на меня не сердитесь. Я не хуже других.

Пролётка въехала на дамбу. Темнота стала еще гуще. В старых ветлах сонно шумел, стекал с листьев дождь. Лошадь застучала копытами по настилу моста.

«Далеко всё-таки!»—вздыхнул Кузьмин...

Кузьмин снова задумался.

Вот Башилов позавидовал ему. Конечно, никакой зависти не было. Просто Башилов сказал не то слово. После разговора

с Башиловым у окна в госпитале, наоборот, Кузьмин начал завидовать Башилову. «Опять не то слово?» — с досадой сказал про себя Кузьмин. Он не завидовал. Он просто жалел. О том, что вот ему сорок лет, но не было у него еще такой любви, как у Башилова. Всегда он был один.

«Ночь, дождь шумит по пустым садам, чужой городок, с лугов несёт туманом, — так и жизнь пройдёт», — почему-то подумал Кузьмин.

Снова ему захотелось остаться здесь. Он любил русские городки, где с крылечек видны заречные улицы, широкие взвозы, телеги с сеном на парамах. Эта любовь удивляла его самого. Вырос он на юге, в морской семье. От отца осталось у него пристрастие к изысканиям, географическим картам, скитальчеству. Поэтому он и стал топографом. Профессию эту Кузьмин считал всё же случайной и думал, что если бы родился в другое время, то был бы охотником, открывателем новых земель. Ему нравилось так думать о себе, но он ошибался. В характере у него не было ничего, что свойственно таким людям. Кузьмин был застенчив, мягок с окружающими. Лёгкая седина выдавала его возраст. Но, глядя

на этого худенького невысокого офицера, никто бы не дал ему больше тридцати лет.

Пролётка въехала, наконец, в тёмный городок. Только в одном доме, должно быть в аптеке, горела за стеклянной дверью синяя лампочка. Улица пошла в гору. Извозчик слез с козел, чтобы лошади было легче. Кузьмин тоже слез. Он шёл, немного отстав, за пролёткой и вдруг почувствовал всю странность своей жизни. «Где я? — подумал он. — Какие-то Наволоки, глушь, лошадь высекает искры подковами. Где-то рядом — неизвестная женщина. Ей надо передать ночью важное и, должно быть, невесёлое письмо. А два месяца назад были фронт, Польша, широкая тихая Висла. Странно как-то! И хорошо. »

Гора окончилась. Извозчик свернул в боковую улицу. Тучи кое-где разошлись, и в черноте над головой то тут, то там зажигалась звезда. Поблестев в лужах, она гасла.

Пролётка остановилась около дома с мезонином.

— Приехали! — сказал извозчик. — Звонок у калитки, с правого боку.

Кузьмин ощупью нашёл деревянную ручку звонка и

потянул её, но никакого звонка не услышал— только завизжала ржавая проволока.

—Шибче тяните! —посоветовал извозчик.

Кузьмин снова дёрнул за ручку. В глубине дома заболтал колокольчик. Но в доме было по-прежнему тихо,— никто, очевидно, не проснулся.

—Ох-хо-хо! —зевнул извозчик. —Ночь дождливая— самый крепкий сон.

Кузьмин подождал, позвонил сильнее. На деревянной галерейке послышались шаги. Кто-то подошёл к двери, остановился, послушал, потом недовольно спросил:

—Кто такие? Чего надо?

Кузьмин хотел ответить, но извозчик его опередил.

—Отворяй, Марфа, — сказал он. — К Ольге Андреевне приехали. С фронта.

—Кто с фронта? —так же неласково спросил за дверью голос. —Мы никого не ждём.

—Не ждёте, а дождались!

Дверь приоткрылась на цепочке. Кузьмин сказал в темноту, кто он и зачем приехал.